

Опыт исследования возрастной идентификации взрослого человека

В. Р. Манукян

Санкт-Петербургский государственный университет,
Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9

Для цитирования: Манукян В.Р. Опыт исследования возрастной идентификации взрослого человека // Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология. 2024. Т. 14. Вып. 1. С. 79–95. <https://doi.org/10.21638/spbu16.2024.105>

Статья посвящена проблеме изучения возрастной идентификации взрослого человека. Цель исследования — изучение возрастной идентификации в периоды ранней и средней взрослости в соотношении с субъективным возрастом и маркерами психологического и субъективного благополучия. Гипотеза: в основе возрастной идентификации лежит сравнение себя с ровесниками и отношение к возрастным периодам, близким к возрасту респондента; она характеризуется качественными, типологическими различиями и имеет связь с субъективным возрастом. Приведены результаты двух исследований, проведенных на разных возрастных группах: группа ранней взрослости ($N=70$, 19–26 лет; средний возраст 23,6 лет) и группа средней взрослости ($N=60$, 27–46 лет; средний возраст 34 года). В качестве основного метода исследования возрастной идентификации использовалась методика семантического дифференциала со шкалами: сила, активность, оценка, сложность, упорядоченность. В группе ранней взрослости для оценки предлагались категории «Я», «Ровесник», «Детство», «Взрослость», в группе средней взрослости — «Я», «Ровесник», «Молодость», «Старость». Измерялись также субъективный и идеальный возраст (анкета), показатели психологического благополучия (краткий вариант шкалы К. Рифф в адаптации Е. Г. Трошихиной) и удовлетворенности жизнью (опросник Э. Динера в адаптации Д. А. Леонтьева, Е. Н. Осина). Результаты: с помощью факторного анализа в каждой из возрастных групп были выделены паттерны возрастной идентификации, различающиеся степенью осознанности и значимости характеристик возраста в структуре самоидентификации, степенью согласованности. В ранней взрослости связь между паттернами возрастной идентификации, хронологическим и субъективным возрастом не прослеживается, в большей степени на субъективную взрослость влияет профессиональный статус (наличие работы). В средней взрослости выявлены значимые взаимосвязи, отражающие рост противоречивости возрастной идентификации с возрастом и влияние возрастной идентификации на разницу между хронологическим и субъективным возрастом. Результаты подтверждают возможность изучения содержательных аспектов возрастной идентификации с помощью семантического дифференциала.

Ключевые слова: возрастная идентификация, возрастная идентичность, субъективный возраст, ранняя взрослость, средняя взрослость, семантический дифференциал.

Введение

Рассматривая развитие человека в период взрослости, исследователи констатируют относительность и условность хронологического возраста, возникающие в силу возрастающей гетерохронности и вариативности развития. Вместе с тем

возраст является важной частью личностной идентичности человека, часто он входит в ряд основных личных (идентификационных) характеристик. Представление о собственном возрасте, отношение к нему, субъективные оценки своих сверстников позволяют проанализировать одну из базовых субъективных координат самоопределения — представление о своем месте в социальном пространстве (Сергиенко, Эйдельман, 2015). Согласно Э. Эриксону, возраст относится к факторам внешне обусловленной идентичности, которую человек не может выбирать, а формирует под влиянием условий, противостоять которым довольно трудно. Такие факторы, как правило, определяют существенные компоненты идентичности (Эриксон, 1996; Белополюская, 1998). Тем не менее трудно не согласиться с О. В. Курышевой, которая отмечает, что в научных исследованиях все еще преобладает социальный и даже социологический подход к возрасту, где он рассматривается как один из критериев социальной стратификации общества наподобие пола или трудового статуса (Курышева, 2010), что можно сказать про большую часть исследований, даже в области психологии развития.

Разрыв между хронологическим, биологическим, социальным и субъективным возрастом увеличивается в последние десятилетия в связи с достижениями в медицине, изменениями в образе жизни, размыванием традиций и связанных с ними возрастно-ролевых ожиданий. Люди меньше привязываются к биологическим и социальным маркерам возраста, все большее значение начинают приобретать индивидуальные идентификации, влияющие на внутреннее ощущение возраста. В настоящее время возраст уже не является жестким внешним фактором, определяющим идентичность, и допускает широкие отклонения субъективного возраста от хронологического.

Под субъективным возрастом понимается «многомерная конструкция, которая указывает, на какой возраст человек себя чувствует и к какой возрастной группе он себя относит» (Курышева, 2010, с. 156), причем многомерность конструкта предполагает, что оценки могут быть дифференцированы как минимум по трем сферам: телесной (внешность, здоровье), социальной (статус, социальная активность), психологической (самооценка, мотивация, познавательные способности и т. д.). Так, например, по данным А. Б. Эйдельман, большинство респондентов в возрасте от 20 до 30 лет чувствуют себя моложе своего возраста (54,9%), считают, что выглядят моложе своего реального возраста (70,6%), но ощущают себя социально (41,1%) и интеллектуально (49%) старше своего хронологического возраста (Эйдельман, 2019). Рассогласование между хронологическим и субъективным возрастом значительно увеличивается в период 40–50 лет и далее становится все более явным (Сергиенко, Эйдельман, 2015; Курышева, 2010). Обширные кросскультурные исследования субъективного возраста у взрослых, проведенные в 18 странах, обнаружили универсальную тенденцию более молодого субъективного возраста по сравнению с хронологическим и еще более молодого идеального (или желаемого) возраста (Сергиенко, 2018).

Наделение собственного хронологического возраста субъективным значением приводит к тому, что возраст из объективного показателя становится инструментом, измеряющим различные сферы внутреннего мира, проявляющим меру социальной и психологической состоятельности, успешности, зрелости человека (Курышева, 2010, с. 158). В современных исследованиях показано, что вос-

приятие себя старше или младше по определенным параметрам, а также идеальный возраст человека связаны с показателями психологического благополучия, Я-концепции и картины мира (Белопольская, 2010; Сергиенко, Эйдельман, 2015; Montepare, 2020), оно может выступать как механизм психологической защиты или совладания с проблемой старения (Сергиенко, 2011). Если у молодых людей субъективное снижение возраста становится предиктором напряжения в само-реализации и преодолении трудных жизненных ситуаций, то у пожилых людей более молодой субъективный возраст выступает внутренним ресурсом совладания с проблемами старения. Результаты обширных эмпирических исследований позволили изучить некоторые последствия субъективного возраста: сейчас понятно, что он в большей степени предсказывает физические, психологические и социальные параметры функционирования, чем другие факторы, такие как пол, уровень образования или физический статус (Сергиенко, 2013; Wurm et al., 2017). Таким образом, субъективный возраст становится стержневым образованием в психической организации и поведении человека, выступая психологическим механизмом регуляции поведения, преодоления стрессовых ситуаций, включая старение.

Наряду с понятием «субъективный возраст» употребляются понятия «возрастная идентичность» и «возрастная идентификация», которые часто рассматриваются как синонимы, отражающие индивидуальное значение возраста (Сергиенко, 2013; Montepare, 2020). На наш взгляд, отождествление этих трех понятий не совсем корректно. Понятия «субъективный возраст» и «возрастная идентичность» действительно могут являться синонимами, так как отражают текущий статус — срез, состояние, выраженное в цифре. Частично это подтверждается исследованиями, показывающими, что субъективный возраст является категорией динамичной, быстро меняющейся и многомерной. В ряде исследований была продемонстрирована его обратимость, связанная с такими динамичными факторами, как ежедневный стресс, текущее состояние здоровья (Bellintier et al., 2017; Wurm et al., 2017; Bellintier, Neupert, 2019), близость ко дню рождения (Сергиенко, 2013). Причем понятие «возрастная идентичность» в этих исследованиях отдельно не изучается, а употребляется как синоним субъективного возраста.

В понятии же «возрастная идентификация» присутствует указание на механизм образования этого состояния и приписываемого ему значения. Н. Л. Белопольская с соавторами дает следующее определение возрастной идентификации — это «отождествление индивидом себя с определенной возрастной группой, с принятием норм поведения данной группы в качестве полностью или частично регулирующих собственное поведение или неосознаваемое соответствие по ряду психологических личностных черт набору психологических черт, характеризующих данную возрастную группу» (Белопольская и др., 2007, с. 8). В процитированном определении есть указание на идентификацию с определенной возрастной группой, что позволяет нам ввести в контекст исследования категорию ровесника как представителя своего хронологического возраста, а также возможную идентификацию с предыдущим или последующим относительно возраста респондента возрастным периодом разной степени осознанности. Согласно немногочисленным исследованиям, основанным на теории социального сравнения Л. Фестингера, сравнения с ровесниками, а также с людьми старше и младше себя происходят постоянно и влияют на субъек-

ективный возраст взрослых и пожилых людей (Sayag, Kavé, 2022), что, вероятно, можно считать одним из механизмов возрастной идентификации.

Теоретический анализ показал, что исследований и методических подходов, позволяющих изучать субъективный возраст не только как когнитивную иллюзию — разницу между хронологическим возрастом и любой модальностью субъективного возраста (Сергиенко, 2013), но и как результат внутреннего отождествления себя с определенными возрастными категориями и приписываемыми им смыслами, практически нет. Вместе с тем их изучение может открыть путь к пониманию того, как именно, через какие механизмы субъективный возраст влияет на многие показатели психологического функционирования человека. Несмотря на актуальность возрастной тематики среди взрослого населения, исследования возрастной идентификации как целостного феномена практически не проводятся. Крайне мало исследований проводится на выборках ранней и средней зрелости, большая часть сосредоточена на периоде старения. Актуальность данного исследования обусловлена его вкладом в понимание природы и многообразия возрастной идентификации в периоды ранней и средней зрелости.

Изучение возрастной идентификации в период ранней зрелости отражает ход процесса взросления и вхождения во взрослость, так как одним из психологических аспектов взросления выступает становление новой возрастной идентичности, а именно идентичности «Я-взрослый», которая подразумевает идентификацию молодого человека себя с возрастной группой «взрослые». Это становится достаточно трудной задачей, поскольку современная тенденция взросления состоит в том, что образ взрослого теряет ту однозначность, которую он имел прежде, так как на сегодняшний день произошла утрата четких социальных границ возрастных этапов и снижение поляризации норм поведения детей и взрослых (Микляева, Румянцева, 2009). В одном из наших исследований показано, что к концу третьего десятилетия жизни идентичность взрослого может быть все еще не достигнута, а ее достижение соотносится с большей личностной зрелостью молодого человека (Манукян, 2022). В средней зрелости проблемы возрастной идентификации актуализируются в связи с необходимостью построения личностной перспективы на вторую половину жизни с учетом происходящих возрастных изменений и более полного осознания своих возможностей и ограничений. Здесь возникает проблематика кризиса середины жизни, связанного с трудностями принятия возрастных изменений, сокращения личностной перспективы, изменения ценностно-смысловых ориентиров (Infurna et al., 2020).

Подходами, наиболее релевантными изучению внутренних репрезентаций и различных форм субъективного опыта человека, традиционно являются проективный и психосемантический. Примером реализации проективного подхода является методика половозрастной идентификации Н. Л. Белопольской, использующая в качестве стимульного материала изображения мужчин и женщин разного возраста, с которыми респондент должен себя соотнести (Белопольская, 1998). В психосемантической парадигме субъективный опыт представляется в виде семантического пространства, осями которого являются обобщенные смысловые основания, используемые испытуемым для соотнесения и противопоставления стимулов или объектов (Александрова, Дерманова, 2018). Данный подход может учесть многомерность, процессуальность и сложность возрастной идентификации взрослого, а также изучить ее малоосознаваемые аспекты.

Целью исследования явилось изучение возрастной идентификации в периоды ранней и средней зрелости в соотношении с показателями субъективного возраста и маркерами психологического и субъективного благополучия.

Общая гипотеза исследования основывалась на предположении, что в основе возрастной идентификации лежит сравнение себя с ровесниками, а также отношение к предыдущим и последующим возрастным периодам (относительно того, в котором находится респондент). Конкретизация данной гипотезы находит отражение в следующих предположениях:

1. Возрастная идентификация содержит осознаваемые и неосознаваемые стороны, которые находятся в определенном соотношении.

2. Возрастная идентификация взрослых характеризуется качественными типологическими различиями, может в разной степени соответствовать хронологическому возрасту и отражается в показателях субъективного возраста.

3. Паттерны возрастной идентификации взаимосвязаны с показателями психологического и субъективного благополучия личности.

В задачи исследования входили апробация способа изучения содержательных аспектов возрастной идентификации взрослых с помощью методики «Семантический дифференциал», выделение паттернов (типов) возрастной идентификации как соотношения осознаваемых и неосознаваемых ее компонентов, изучение взаимосвязи паттернов возрастной идентификации с хронологическим и субъективным возрастом, полом, статусными характеристиками взрослых и маркерами психологического и субъективного благополучия.

Метод

Выборка. Было проведено два исследования, в каждом из которых участвовали респонденты одной возрастной группы. Группа ранней зрелости — 70 человек в возрасте от 19 до 26 лет (43 женщины, 27 мужчин), средний возраст 23,6 лет. Из них 55,7 % не состоят в браке, 44,3 % — женаты или замужем. Большая часть респондентов (83 %) не имеет детей. По профессиональному статусу выборка разделилась следующим образом: 45,7 % учатся, 47,1 % работают и 7,2 % (5 человек) не работают и не учатся. Группа средней зрелости — 60 человек в возрасте от 27 до 46 лет (35 женщин, 25 мужчин), средний возраст 34 года. Основную часть выборки составили работающие взрослые (90 %) с высшим образованием (82 %). В браке состоят 63 % взрослых, 62 % имеют детей.

Методики. Для исследования возрастной идентификации взрослых был использован метод семантического дифференциала. Использовались шкалы, предложенные Ч. Осгудом (сила, активность, оценка), и две дополнительные шкалы, предложенные В. Ф. Петренко, — сложность, упорядоченность (Петренко, 1983). Категории, предлагаемые для оценки по данным шкалам, несколько различались для двух возрастных групп. Респондентам, отнесенным к группе ранней зрелости (19–26 лет), предлагались категории «Я», «Ровесник», «Детство», «Зрелость»; для респондентов периода средней зрелости (27–46 лет) — «Я», «Ровесник», «Молодость», «Старость». Методика представляет собой технику биполярного шкалирования каждого понятия по 7-балльной шкале (с нулем посередине). Полюса шкал определяются антонимичными прилагательными.

В дополнение к семантическому дифференциалу была составлена социально-демографическая анкета, включающая вопросы, раскрывающие формальные показатели возрастной идентификации: хронологический, субъективный и идеальный возраст.

В качестве маркеров благополучия использовались экспресс-методики: в группе ранней зрелости — методика психологического благополучия К. Рифф (краткий вариант) в адаптации Е. Г. Трошихиной; в группе средней зрелости — опросник удовлетворенности жизнью Э. Динера в адаптации Д. А. Леонтьева и Е. Н. Осина (Психоэмоциональное благополучие..., 2020).

Методы математико-статистического анализа данных: описательная статистика, сравнительный анализ с помощью Т-критерия Стьюдента для независимых и зависимых выборок, однофакторный дисперсионный анализ, факторный анализ (варимакс-вращение с нормализацией Кайзера) с последующим вычислением факторных оценок, корреляционный анализ по критерию Пирсона.

Результаты

Возрастная идентификация в период ранней зрелости. Было изучено соотношение хронологического, субъективного и идеального возраста, которое показало, что средний хронологический возраст (23,6) незначимо ниже субъективного (24,5 лет) и выше идеального (21,8 лет) возрастов. Субъективный возраст изменяется в обе стороны, и его разброс колеблется от 5 до 50 лет.

Для понимания общих содержательных тенденций возрастной идентификации в период ранней зрелости рассмотрим средние значения по шкалам семантического дифференциала, они представлены на рис. 1. Распределение шкал семантического дифференциала было проверено на нормальность по характеристикам асимметрии. Показатели асимметрии смещены в сторону больших значений и колеблются от $-0,790$ до $-2,198$, что говорит о близости распределения к нормальному и смещении в сторону высоких значений. Также был проведен анализ значимости различий с помощью Т-критерия для зависимых выборок между категориями «Я» и «Ровесник», «Детство» и «Взрослость». Результаты показывают превышение в целом всех показателей категории «Я» над категорией «Ровесник», при этом для шкал «Сила», «Упорядоченность» и «Сложность» они достигают уровня значимых. Ровесник оценивается респондентами как более простой, чем они сами ($p = 0,001$), менее сильный ($p = 0,04$) и упорядоченный ($p = 0,05$). Взрослость по сравнению с детством воспринимается как более сложная ($p = 0,001$), сильная ($p = 0,001$) и упорядоченная, но менее активная и позитивно окрашенная эмоционально ($p = 0,04$). Оценки Я в целом ближе к периоду зрелости.

Полученные результаты позволяют говорить о том, что молодые люди воспринимают себя как более сложно устроенных, более сильных и упорядоченных, чем их ровесники, то есть себе они приписывают более зрелые и взрослые качества, чем ровесникам. Возрастные периоды также воспринимаются по-разному: период детства представляется более привлекательным и менее сложным. А волевые характеристики (сила) связываются больше с периодом зрелости.

Далее для изучения качественных, типологических характеристик возрастной идентификации данные семантического дифференциала были подвергнуты фак-

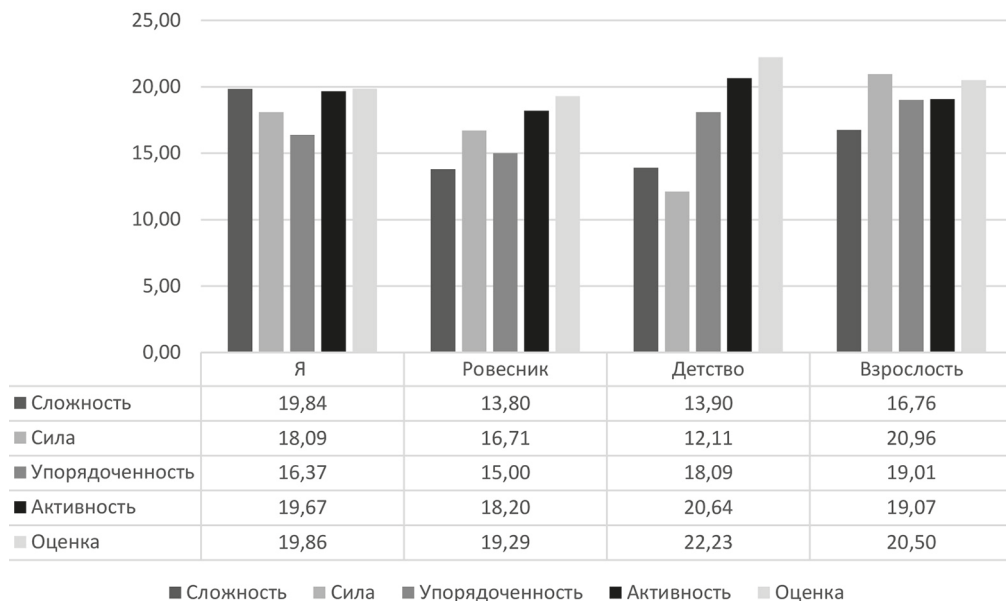

Рис. 1. Средние значения по шкалам семантического дифференциала для периода ранней взрослости

торному анализу, в результате была получена четырехфакторная модель с общей объясненной дисперсией 59,6 % (табл. 1).

Первый фактор (18,9 %) на основе входящих переменных можно обозначить как «Идентификация с Я и взрослостью», так как здесь выявлена взаимосвязь между представлениями о своем Я и характеристиками упорядоченности во взрослом периоде, что указывает на соотнесение себя с периодом взрослости по умениям самоорганизации, ощущению целостности и упорядоченности. Фактор объединяет многие положительные оценки Я, что говорит о выраженности волевых качеств, активности, положительной оценке себя, внутренней устойчивости. В целом фактор отражает низкую значимость возраста в самоидентификации, человек больше опирается на Я-характеристики.

Во втором факторе (15 %) обращает на себя внимание отсутствие категории «Я» и присутствие категории «Ровесник». Так как ровесник олицетворяет возрастную группу, к которой относится человек по хронологическому возрасту, то этот показатель может демонстрировать неосознанное отнесение себя через связь с ровесниками к тому и или иному возрастному периоду, в данном случае к периоду детства. Поэтому на основе входящих переменных фактор можно назвать «Неосознаваемая идентификация с детством». Здесь выражена тенденция приписывать представителям своей возрастной группы характеристики, схожие с представлением о детстве по силе и сложности — детство воспринимается как некоторый сложный период, требовавший волевых усилий, так же как и настоящий период жизни.

Третий фактор (14,9 %) на основе входящих переменных можно назвать «Неосознаваемая идентификация со взрослостью». В этом факторе представления о ровеснике взаимосвязаны с представлениями о периоде взрослости по характеристикам силы и оценки. Другими словами, в восприятии молодых людей представители

Таблица 1. Факторы возрастной идентификации в ранней взрослости

Факторы	Факторная нагрузка
Фактор 1. Идентификация с Я и взрослостью (18,9%)	
Я-активность	0,763
Взрослость-упорядоченность	0,728
Я-сложность	0,632
Я-сила	0,621
Я-оценка	0,513
Фактор 2. Неосознаваемая идентификация с детством (15%)	
Детство-сила	0,754
Ровесник-сложность	0,743
Ровесник-активность	0,682
Детство-сложность	0,608
Ровесник-сила	0,606
Фактор 3. Неосознаваемая идентификация со взрослостью (14,9%)	
Ровесник-активность	0,787
Ровесник-оценка	0,608
Взрослость-сила	0,561
Взрослость-оценка	0,549
Ровесник-сила	0,546
Фактор 4. Осознаваемая идентификация со взрослостью (10,8%)	
Взрослость-активность	0,785
Взрослость-сложность	0,756
Я-сложность	0,528
Взрослость-оценка	0,360
Я-оценка	0,353
Я-сила	0,340

их хронологического возраста имеют характеристики, свойственные периоду взрослости, они соотносятся между собой по оценке и по волевым характеристикам. Так как Я-характеристики в этом факторе не обнаружены, это может свидетельствовать о пока еще недостаточно осознаваемой идентификации со взрослостью, о некоторых трудностях в принятии своего хронологического возраста, однако в целом указывает на положительную оценку этого периода.

Четвертый фактор (10,8%) можно назвать «Осознаваемая идентификация со взрослостью». В этом факторе представления о себе взаимосвязаны с представлениями о взрослости по сложности и оценке. Молодые люди из этой группы соотносят себя по характеристикам собственной оценки и сложности с периодом взрослости. Значимое отличие этого фактора от предыдущих заключается в том, что это соотношение происходит напрямую через представление о собственном Я,

а не о ровеснике. В этом типе идентификации выражено как осознанное принятие своего возраста, так и положительная оценка этого периода.

Далее с помощью вычисления факторных оценок полученные результаты были соотнесены с другими показателями. Корреляционный анализ не выявил взаимосвязей полученных факторов с хронологическим, субъективным возрастом и их разницей. В результате однофакторного дисперсионного анализа было обнаружено достоверное влияние профессионального статуса на фактор неосознаваемой идентификации с детством ($F=2,794$; $p=0,047$). Этот показатель наиболее выражен у молодых людей, которые не работали и не учились на момент проведения исследования ($M=1,05$), тогда как меньше всего он проявлен у работающих респондентов ($M=-0,26$). Выявлены половые различия: женщины более склонны к неосознаваемой идентификации с детством, чем мужчины ($T=-2,001$; $p=0,049$). Корреляционный анализ выявил взаимосвязи между фактором 4 «Осознаваемая идентификация со взрослостью» и шкалой «Личностный рост» в методике К. Рифф ($r=0,271$; $p=0,023$), а также между фактором 1 «Идентификация с Я и взрослостью» и шкалой психологического благополучия «Позитивные отношения» ($r=0,360$; $p=0,02$).

Возрастная идентификация в период средней взрослости. Было изучено соотношение хронологического, субъективного и идеального возраста, которое показало, что средний хронологический возраст (34 года) значимо выше ($p \leq 0,01$) субъективного (30,35 лет) и идеального (28,13 лет) возрастов, что подтверждает универсальную тенденцию периода взрослости. Диапазон разброса субъективного возраста намного шире хронологического — от 18 до 55 лет.

Общая характеристика возрастной идентификации в период средней взрослости может быть рассмотрена по средним значениям шкал семантического дифференциала (рис. 2). Распределение шкал семантического дифференциала было проверено на нормальность по характеристикам асимметрии. Показатели асимметрии колеблются от 0,886 до $-1,145$, что говорит о близости распределения к нормальному и более равномерно распределенному относительно центра по сравнению с группой ранней взрослости. Это говорит о том, что в средней взрослости дифференцированность оценок в целом повышается. Также был проведен анализ значимости различий с помощью Т-критерия для зависимых выборок между категориями «Я» и «Ровесник», «Молодость» и «Старость». Результаты показывают в целом превышение всех показателей категории «Я» над категорией «Ровесник»; при этом для шкал «Сложность», «Активность» и «Оценка» они достигают уровня значимых. Ровесник оценивается респондентами как более простой, чем они сами ($p=0,001$), менее активный ($p=0,001$) и менее привлекательный ($p=0,001$). Молодость по сравнению со старостью воспринимается как более сложная ($p=0,01$), сильная ($p=0,02$), активная ($p=0,001$) и привлекательная ($p=0,001$), но менее упорядоченная ($p=0,001$). Оценки Я по большинству характеристик ближе к молодости и только по упорядоченности приближаются к старости.

Данные семантического дифференциала были подвергнуты факторному анализу, который выделил шесть факторов с кумулятивным процентом полной объясненной дисперсии, равным 76,31 %. При анализе полученных факторов было принято решение отбросить один фактор с дисперсией 6,01 % и остановиться на 5-факторном решении. В результате кумулятивный процент полной объясненной дисперсии при 5-факторном решении составил 70,30 % (табл. 2).

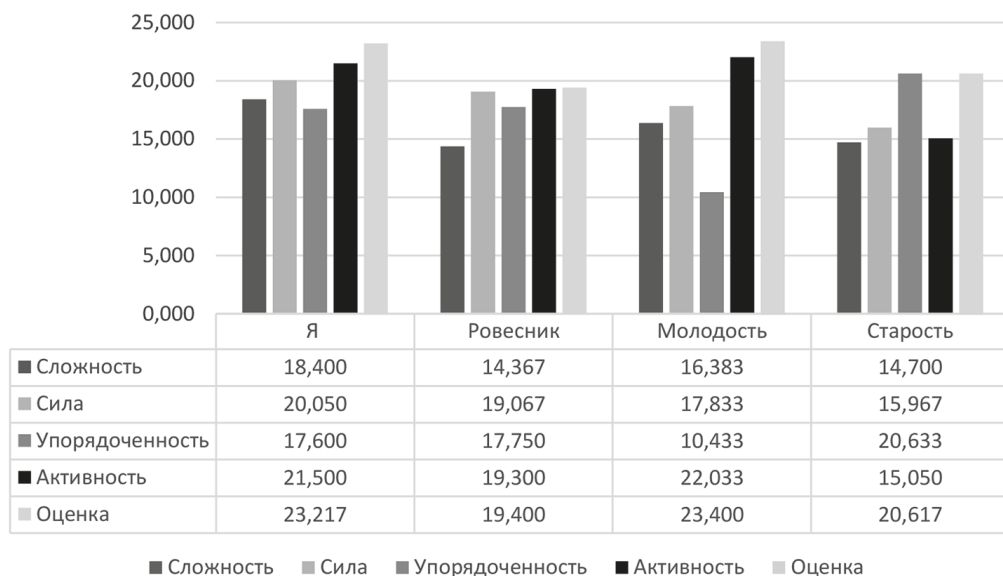

Рис. 2. Средние значения по шкалам семантического дифференциала для периода средней взрослости

Первый фактор (23,36 %) отражает тенденцию объединения понятий «Ровесник» и «Старость», причем и ровесники, и период старости воспринимаются как упорядоченные и сильные, то есть ассоциации здесь идут в одном направлении. Таким образом, вероятно, неосознанно респонденты воспринимают своих ровесников гораздо старше себя — они замечают в своих ровесниках черты, которые сопоставляют с критериями старости, но не проводят подобных параллелей с Я. На этом основании фактор был назван «Неосознаваемая идентификация со старостью».

Второй фактор (17,58 %) отражает тенденцию положительного восприятия себя и собственной жизни. Респонденты позитивно относятся и к молодости, и к старости, чувствуют себя активными, энергичными. Поскольку ровесники не вошли в этот фактор, для данного типа возрастной идентификации, вероятно, несвойственно сравнение с ровесниками. В отличие от первого фактора, где ровесники сопоставлялись со старостью, здесь можно увидеть другую картину восприятия собственного возраста, отраженную в названии фактора «Позитивное отношение к себе и к возрасту».

Третий фактор (11,97 %) также отражает позитивное восприятие себя. Здесь респонденты воспринимают себя хорошими, сильными, волевыми, достаточно сложными и такими же неупорядоченными, свободными, как в молодости. Из характеристик Я отсутствует только активность, категории старости и ровесника не представлены. По-видимому, третий фактор отражает большую значимость характеристик Я, чем характеристик возраста в самоидентификации, в связи с чем он был назван «Идентификация с Я и с молодостью».

Четвертый фактор (9,17 %) отличает отсутствие характеристик Я и ровесника, поэтому здесь нет идентификации (осознанной через Я или неосознанной — через ровесника). Молодость воспринимается респондентами как достаточно сложная, насыщенная, при этом в данный фактор также включена шкала молодости с негативной оценкой. Старость, напротив, воспринимается позитивно — как активный

Таблица 2. Факторы возрастной идентификации в средней взрослости

Факторы	Факторная нагрузка
Фактор 1. Неосознаваемая идентификация со старостью (23,36%)	
Ровесник-оценка	0,90
Ровесник-сила	0,90
Старость-упорядоченность	0,76
Ровесник-упорядоченность	0,71
Старость-сила	0,65
Фактор 2. Позитивное отношение к себе и к возрасту (17,58%)	
Молодость-сила	0,85
Я-активность	0,78
Молодость-оценка	0,70
Старость-оценка	0,70
Фактор 3. Идентификация с Я и молодостью (11,97%)	
Я-оценка	0,78
Я-сила	0,75
Я-упорядоченность	-0,70
Я-сложность	0,55
Молодость-упорядоченность	-0,40
Фактор 4. Позитивное отношение к старости (9,17%)	
Молодость-сложность	0,87
Старость-активность	0,63
Молодость-оценка	-0,51
Старость-сила	0,50
Старость-оценка	0,50
Фактор 5. Противоречивая возрастная идентификация (8,18%)	
Молодость-упорядоченность	0,71
Старость-сложность	0,69
Ровесник-сложность	0,54
Старость-активность	0,49
Старость-упорядоченность	-0,44
Я-упорядоченность	0,318

период, в котором заключена и определенная сила. В связи с этим фактор назван «Позитивное отношение к старости». Можно предположить, что данный фактор отражает переходные процессы смены отношения к периодам молодости и старости, умение увидеть старость позитивно — необходимый этап смены возрастной идентификации и причисления себя к зрелым и пожилым людям.

Пятый фактор (8,18 %) вобрал в себя все оцениваемые категории и отражает, вероятно, сложности возрастной идентификации. Доминирует здесь восприятие молодости как упорядоченной и понятной, причем Я также воспринимается скорее упорядоченным. Старость, напротив, видится хаотичной, непредсказуемой, активной, сложной, непонятной. Такими же сложными и непонятными видятся и ровесники. Фактор отражает противоречия возрастной идентификации, трудности перехода от восприятия себя как молодого к восприятию себя как старого.

В данной возрастной группе выявлены взаимосвязи между полученными факторами и различными параметрами возраста. С ростом хронологического возраста растет выраженность фактора 1 «Неосознаваемая идентификация со старостью» ($r=0,439$; $p=0,000$) и фактора 5 «Противоречивая возрастная идентификация» ($r=0,286$; $p=0,027$). Однофакторный дисперсионный анализ выявил различия в выраженности факторов возрастной идентификации в группах с разным соотношением хронологического и субъективного возраста (было сформировано три группы на основании деления по процентилям). Выраженность фактора 2 «Позитивное отношение к себе и к возрасту» максимальна в группе взрослых с совпадением хронологического и субъективного возраста ($F=14,33$; $p=0,000$), а фактор 3 «Идентификация с Я и молодостью» наиболее выражен в группе взрослых, чувствующих себя психологически моложе ($F=5,841$; $p=0,005$). Были также получены положительные взаимосвязи некоторых факторов с показателем удовлетворенности жизнью: это фактор 1 «Неосознаваемая идентификация со старостью» ($r=0,327$; $p=0,011$); фактор 2 «Позитивное отношение к себе и к возрасту» ($r=0,503$; $p=0,000$) и фактор 3 «Идентификация с Я и с молодостью» ($r=0,405$; $p=0,001$), что позволяет сделать вывод об их позитивном значении. В этой группе также были выявлены половые различия в выраженности типов возрастной идентификации — факторы 1, 4 и 5 в большей степени характерны для женщин ($-4,105 \leq T \leq -2,206$; $0,000 \leq p \leq 0,031$).

Обсуждение результатов

Проведенное исследование позволило выявить некоторые особенности возрастной идентификации в группах ранней и средней взрослости, выделить общие и различные тенденции. Так, в группе ранней взрослости не наблюдается значимого превышения хронологического возраста над субъективным и идеальным в целом по группе. Это довольно сильно отличается от ситуации в группе средней взрослости, где рассогласование хронологического, субъективного и идеального возраста становится значимым. Полученные результаты подтверждают результаты других исследований, регистрирующих рост данной тенденции после 25 лет (Курышева, 2010; Сергиенко, Эйдельман, 2015; Montepare, 2020).

Изучение содержательных аспектов возрастной идентификации показало общую для обеих возрастных групп тенденцию относительно оценки Я и ровесника, где оценка Я более позитивна по сравнению с оценкой ровесника. Это может свидетельствовать о преобладании в процессах возрастной идентификации «идушего вниз сравнения» (Sayag, Kavé, 2022), позволяющего сохранять эмоциональное благополучие. В ранней взрослости оценки Я смещены к полюсу взрослости, в средней — к полюсу молодости, что отражает в целом осознаваемые аспекты возрастной идентификации, а также предпочтение ценностей этих возрастных периодов.

В каждой из возрастных групп были обнаружены паттерны возрастной идентификации (факторы), отражающие ее качественные и, возможно, типологические характеристики. Несмотря на различия в стимульном материале семантического дифференциала, можно выделить некоторые общие тенденции в полученных факторах. Так, в обеих возрастных группах присутствуют факторы, в которых большее значение придается характеристикам Я, чем характеристикам возраста (преобладание характеристик Я в факторе 1 для ранней взрослости и факторе 3 для средней взрослости). Эти факторы отражают паттерн самоидентификации, в котором характеристики возраста в целом малозначимы. Также в обеих группах есть варианты, где характеристики Я вообще не присутствуют, а характеристики возрастных периодов связываются с характеристиками ровесника. Так как ровесник олицетворяет возрастную группу, к которой относится человек по хронологическому возрасту, то этот вариант может демонстрировать неосознанное отнесение себя через связь с ровесниками к тому и или иному возрастному периоду. В ранней взрослости это факторы 2 и 3, отражающие неосознаваемую идентификацию с детством и взрослостью, а в средней — фактор 1, указывающий на неосознаваемую идентификацию со старостью. В противовес этим паттернам присутствуют также варианты осознаваемой возрастной идентификации — в ранней взрослости со взрослостью (фактор 4), в средней — это вариант частичного соотношения себя с каждым из периодов (фактор 2). В средней взрослости появляются также паттерны, отражающие переходные процессы и трудности возрастной идентификации (факторы 4 и 5).

Выводы

Результаты проведенного исследования показали, что возрастная идентификация взрослого человека может быть описана схожими паттернами, связанными со степенью ее осознанности, значимости возраста в процессе построения личностной идентичности, степенью противоречивости — согласованности.

При преимущественно осознанной возрастной идентификации характеристики Я связываются с характеристиками возраста, при малоосознаваемых паттернах характеристики возраста связываются с характеристиками ровесника, который является их обобщенным носителем. Это может иллюстрировать общеизвестную тенденцию, когда взрослые, не осознающие свой возраст, начинают его воспринимать более реалистично при встрече со знакомыми ранее ровесниками (например, одноклассниками).

Возраст может занимать разное место в системе самоидентификации взрослого человека: как в ранней, так и в средней взрослости были выявлены паттерны возрастной идентификации с преобладанием характеристик Я над характеристиками возраста.

Противоречивые варианты возрастной идентификации были выявлены только для периода средней взрослости, что, на наш взгляд, отражает сложности осознания процессов старения и включения этих изменений в собственную возрастную идентичность.

В ранней взрослости связь между паттернами возрастной идентификации, хронологическим и субъективным возрастом не прослеживается, в большей сте-

пени на субъективную зрелость влияет профессиональный статус (наличие работы). В средней зрелости выявлены значимые взаимосвязи, отражающие рост противоречивости возрастной идентификации с возрастом и ее связь с разницей между хронологическим и субъективным возрастом (ощущение себя старше или моложе своих лет).

Паттерны возрастной идентификации различаются у мужчин и женщин. Результаты показали, что в ранней зрелости у женщин более выражен паттерн неосознаваемой идентификации с детством, а в средней — неосознаваемая идентификация со старостью и противоречивые варианты возрастной идентификации. Это может говорить о том, что для женщин возрастная идентификация является более напряженной темой, чем для мужчин.

Изучение взаимосвязи выделенных паттернов возрастной идентификации с показателями психологического благополучия в ранней зрелости выявило взаимосвязь между паттерном осознаваемой идентификации со зрелостью (фактор 4) и шкалой личностного роста, а также между паттерном с высокой значимостью характеристик Я (фактор 1) и шкалой позитивных отношений.

Изучение взаимосвязи выделенных паттернов возрастной идентификации с показателями субъективного благополучия в средней зрелости показало, что с удовлетворенностью жизнью коррелируют все паттерны идентификации, кроме тех, что отражают ее внутреннюю несогласованность и противоречивость (факторы 4 и 5).

Результаты исследования в целом позволяют заключить, что с помощью психосемантического метода можно изучить малоосознаваемые аспекты отношения к собственному возрасту, раскрыть содержательные аспекты возрастной идентификации через введение категорий «Я», «Ровесник», а также категорий возрастных периодов, предшествующих и последующих актуальному возрасту респондента. Полученные результаты доказывают выдвинутую гипотезу и могут лечь в основу будущих исследований — служить основаниями и для построения шкал оценки и типологий возрастной идентификации взрослых людей.

Ограничения

Ограничениями исследования являются количество и состав выборки. В данной работе была проведена апробация возможности исследования возрастной идентификации с помощью семантического дифференциала и выявлены некоторые обобщенные закономерности для взрослого периода. Для последующих исследований необходима большая дифференциация возрастных групп, особенно в период средней зрелости. Также маркеры благополучия для разных возрастных групп не вполне сопоставимы: для ранней зрелости использовались показатели психологического благополучия, а для средней зрелости — субъективного, что не позволяет их сравнить по данному параметру.

Литература

Александрова О. В., Дерманова И. Б. Семантический дифференциал жизненной ситуации // Консультативная психология и психотерапия. 2018. Т. 26, № 3. С. 127–145. <https://doi.org/10.17759/cpr.2018260307>

- Белопольская Н. Л. Половозрастная идентификация. Методика исследования детского самосознания. Вып. 2. 2-е изд., испр. М.: Когито-Центр, 1998.
- Белопольская Н. Л. Экспериментальное исследование возрастной идентификации у людей, совершивших суицидальную попытку // Психологическая наука и образование. 2010. Т. 15, № 2. С. 125–133.
- Белопольская Н. Л., Иванова С. Р., Свистунова Е. В., Шафирова Е. М. Самосознание проблемных подростков. М.: Институт психологии РАН, 2007.
- Курьшова О. В. Субъективный возраст как категория самооценивания // Известия ВГПУ. 2010. С. 155–158.
- Манукян В. Р. Взросление молодежи: сепарация от родителей, субъективная взрослость и психологическое благополучие в возрасте 18–27 лет // Психологическая наука и образование. 2022. Т. 27, № 3. С. 129–140. <https://doi.org/10.17759/pse.2022270310>
- Микляева А. В., Румянцева П. В. Структура социальной идентичности личности: возрастная динамика // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2009. № 5. С. 129–133.
- Петренко В. Ф. Введение в экспериментальную психосемантику: исследование форм репрезентации в обыденном сознании. М.: Изд-во МГУ, 1983.
- Психоэмоциональное благополучие: интегративный подход / под ред. Л. А. Головей. СПб.: Нестор-История, 2020.
- Сергиенко Е. А. Субъективный возраст в контексте системно-субъектного подхода // Ученые записки Казанского университета. 2011. Т. 153, кн. 5. С. 89–101.
- Сергиенко Е. А. Субъективный и хронологический возраст человека // Психологические исследования. 2013. Т. 6, № 30. <https://doi.org/10.54359/ps.v6i30.689>
- Сергиенко Е. А. Субъективный возраст человека — расширение понятия возрастной идентичности // Категории психологии. М.: Институт психологии РАН, 2018. С. 579–609.
- Сергиенко Е. А., Эйдельман Г. Н. Возрастная идентификация современной молодежи как фактор самодетерминации // Образование и саморазвитие. 2015. Т. 3, № 45. С. 62–72.
- Эйдельман А. Б. Особенности субъективного возраста и психологического благополучия в молодом возрасте // Вестник КГУ. Сер. Педагогика. Психология. Социокинетика. 2019. № 2. С. 30–35.
- Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис / пер. с англ.; общ. ред. и предисл. А. В. Толстых. М.: Прогресс, 1996.
- Bellingtier J. A., Neupert S. D. Daily subjective age in emerging adults: «Now we're stressed out» // Emerging Adulthood. 2019. Vol. 7 (6). P. 468–477. <https://doi.org/10.1177/2167696818785081>
- Bellingtier J. A., Neupert S. D., Kotter-Grühn D. The combined effects of daily stressors and major life events on daily subjective ages // The Journals of Gerontology. Series B: Psychological Sciences and Social Sciences. 2017. Vol. 72 (4). P. 613–621. <https://doi.org/10.1093/geronb/gbv101>
- Infurna F. J., Gerstorf D., Lachman M. E. Midlife in the 2020s: Opportunities and challenges // The American Psychologist. 2020. Vol. 75 (4). P. 470–485. <https://doi.org/10.1037/amp0000591>
- Montepare J. M. Publisher correction to: An exploration of subjective age, actual age, age awareness, and engagement in everyday // European Journal of Ageing. 2020. Vol. 17. P. 489–497. <https://doi.org/10.1007/s10433-020-00580-9>
- Sayag M., Kavé G. The effects of social comparisons on subjective age and self-rated health // Ageing & Society. 2022. Vol. 42 (9). P. 2140–2153. <https://doi.org/10.1017/S0144686X20002056>
- Wurm S., Diehl M., Kornadt A. E., Westerhof G. J., Wahl H. W. How do views on aging affect health outcomes in adulthood and late life? Explanations for an established connection // Developmental Review. 2017. Vol. 46. P. 27–43. <https://doi.org/10.1016/j.dr.2017.08.002>

Статья поступила в редакцию 19 сентября 2023 г.;
рекомендована к печати 23 ноября 2023 г.

Контактная информация:

Манукян Виктория Робертовна — канд. психол. наук; v.manukjan@spbu.ru

To the research of the age identification of an adult

V. R. Manukyan

St. Petersburg State University,
7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation

For citation: Manukyan V. R. To the research of the age identification of an adult. *Vestnik of Saint Petersburg University. Psychology*, 2024, vol. 14, issue 1, pp. 79–95.
<https://doi.org/10.21638/spbu16.2024.105> (In Russian)

The article is devoted to the problem of studying the age identification of an adult. The aim of the paper is to study age identification in the periods of early and middle adulthood in relation to subjective age and markers of psychological well-being. Hypothesis: age identification is based on comparing oneself with peers and attitude to age periods close to the age of a respondent; it is characterized by qualitative, typological differences, has a connection with subjective age. The results of two studies conducted on different age groups are presented: the group of early adulthood ($N=70$, 19–26 years; average age 23.6 years) and the group of middle adulthood ($N=60$, 27–46 years; average age 34 years). As the main method of age identification research, the method of semantic differential with the next scales was used: strength, activity, evaluation, complexity, orderliness. In the group of early adulthood, the categories “I”, “Peer”, “Childhood”, “Adulthood” were offered for evaluation, in the group of middle adulthood — “I”, “Peer”, “Youth”, “Old Age”. Subjective and ideal age (questionnaire), indicators of psychological well-being (a short version of the C. Riff scale in the adaptation of E. G. Troshikhina) and life satisfaction (questionnaire of E. Diener in the adaptation of D. A. Leontiev, E. N. Osin) were also measured. Results: with the help of factor analysis, age identification patterns were identified in each of the age groups. They differ by the degree of awareness, the significance of age characteristics in the structure of self-identification and the degree of consistency. In early adulthood, the relationship between the patterns of age identification, chronological and subjective age is not traced, to a greater extent, subjective adulthood is influenced by professional status (job availability). In middle adulthood, multiple significant relationships were revealed, confirming the possibility of studying the content aspects of age identification using a semantic differential.

Keywords: age identification, age identity, subjective age, early adulthood, middle adulthood, semantic differential.

References

- Aleksandrova, O. V., Dermanova, I. B. (2018). Semantic differential of a life situation. *Konsul'tativnaia psikhologiya i psikhoterapiia*, 26, 3, 127–145. <https://doi.org/10.17759/cpp.2018260307>
- Bellingtier, J. A., Neupert, S. D. (2019). Daily subjective age in emerging adults: “Now we’re stressed out”. *Emerging Adulthood*, 7 (6), 468–477. <https://doi.org/10.1177/2167696818785081>
- Bellingtier, J. A., Neupert, S. D., Kotter-Grühn, D. (2017). The combined effects of daily stressors and major life events on daily subjective ages. *The Journals of Gerontology: Ser. B: Psychological Sciences and Social Sciences*, 72 (4), 613–621. <https://doi.org/10.1093/geronb/gbv101>
- Belopol'skaia, N. L. (1998). *Gender and age identification. Methods for studying children's self-consciousness*. Moscow, Kogito-Tsentr Publ.
- Belopol'skaia, N. L. (2010). Experimental study of age-identification in people with suicidal attempts. *Psikhologicheskaiia nauka i obrazovanie*, 15, 2, 125–133.
- Belopol'skaia, N. L., Ivanova, S. R., Svistunova, E. V., Shafirova, E. M. (2007). *Self-consciousness of troubled teenagers*. Moscow, Institut psikhologii RAN Press.
- Eidel'man A. B. (2019). Features of subjective age and psychological well-being at early age. *Vestnik KGU. Pedagogika. Psikhologiya. Sotsiokinetika*, 2, 30–35.

- Erikson, E. (1996). *Identity: youth and crisis*, transl. by A. V. Tolstykh. Moscow, Progress Publ.
- Infurna, F. J., Gerstorf, D., Lachman, M. E. (2020). Midlife in the 2020s: Opportunities and challenges. *The American psychologist*, 75 (4), 470–485. <https://doi.org/10.1037/amp0000591>
- Kuryshva, O. V. (2010). The subjective age as a category of self-esteem. *Izvestiia VGPU*, 155–158.
- Manukian, V. R. (2022). Growing up of youth: Separation from parents, subjective adulthood and psychological well-being at the age of 18–27. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie*, 27, 3, 129–140. <https://doi.org/10.17759/pse.2022270310>
- Mikliaeva, A. V., Rumiantseva, P. V. (2009). The structure of a person's social identity: Age dynamics. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, 5, 129–133.
- Montepare, J. M. (2020). Publisher correction to: An exploration of subjective age, actual age, age awareness, and engagement in every day. *European Journal of Ageing*, 17, 489–497. <https://doi.org/10.1007/s10433-020-00580-9>
- Petrenko, V. F. (1983). *Introduction to experimental psychosemantics: the study of forms of representation in ordinary consciousness*. Moscow, Moscow University Press.
- Psycho-emotional wellbeing: integrative approach* (2020). L. A. Golovei (ed.). St. Petersburg, Nestor-Istoriia Publ.
- Sayag, M., Kavé, G. (2022). The effects of social comparisons on subjective age and self-rated health. *Ageing & Society*, 42 (9), 2140–2153. <https://doi.org/10.1017/S0144686X20002056>
- Sergienko, E. A. (2011). Subjective age in terms of the system-subject approach. *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta*, 153, 5, 89–101.
- Sergienko, E. A. (2013). Subjective and chronological human age. *Psikhologicheskie issledovaniia*, 6, 30. <https://doi.org/10.54359/ps.v6i30.689>
- Sergienko, E. A. (2018). Subjective human age — expansion of the concept of age identity. In: *Kategorii psikhologii* (pp. 579–609). Moscow, Institute of Psychology RAS Press.
- Sergienko, E. A., Eidel'man, G. N. (2015). Age identification of modern youth as the factor of self-determination. *Obrazovanie i samorazvitie*, 3, 45, 62–72.
- Wurm, S., Diehl, M., Kornadt, A. E., Westerhof, G. J., Wahl, H. W. (2017). How do views on aging affect health outcomes in adulthood and late life? Explanations for an established connection. *Developmental Review*, 46, 27–43. <https://doi.org/10.1016/j.dr.2017.08.002>

Received: September 19, 2023

Accepted: November 23, 2023

Author's information:

Viktoria R. Manukyan — PhD in Psychology; v.manukjan@spbu.ru